

Н. Г. З а й ц е в а, Вепский глагол. Сравнительно-сопоставительное исследование. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук, Петрозаводск 2002.

19 апреля 2002 г. на заседании диссертационного совета Д 212.116.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при Ма-

рийском государственном университете состоялась защита докторской диссертации Нины Григорьевны Зайцевой на тему «Вепский глагол. Сравнительно-

сопоставительное исследование». Работа выполнена в Институте языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН. Официальными оппонентами выступили доктора филологических наук профессор П. М. Зайков (Петрозаводск), Ю. В. Андуганов (Йошкар-Ола), А. Н. Куклин (Йошкар-Ола).

Грамматический строй финно-угорских языков в их типологическом сопоставлении и сравнении до сих пор остается не изученным. Сравнительно-сопоставительный анализ грамматических форм глагола и их семантико-функционального содержания в современных и древних финно-угорских языках, реконструкция морфологической системы на уровне праязыка, а также описание содержательной стороны глагольных категорий остаются важными задачами, несмотря на неоднократно предпринимавшиеся попытки обобщения многообразного фактического материала финно-угроведами. Поиски соотношений агглютинативной и флективной морфологии часто связаны с преодолением больших трудностей.

В столь разноречивой ситуации сравнительно-сопоставительное изучение вепсского глагола представляет большой научный интерес. Более того, вепсский язык, как отмечает Н. Г. Зайцева в предисловии к своей работе, исследователи прибалтийско-финских языков называют иногда «прибалтийско-финским санскритом», сохранившим в какой-то степени архаичные черты на всех уровнях своей структуры (с. 1).

Поэтому несомненно, что тема исследования Н. Г. Зайцевой актуальна и обращение к ней своевременно не только для решения научно-практических задач прибалтийско-финского языкознания, но и для разработки общетеоретических проблем диахронической морфологии финно-угорских языков.

Структура работы Н. Г. Зайцевой (297 с. компьютерного текста) отличается логичностью и стройностью. Она состоит из предисловия (с. 1—5), введения (с. 6—26), трех не равнозначных по объему глав, заключения (с. 238—248), которое вопреки установившейся традиции имеет заглавие — «Вепсский глагол

и вепсские диалекты». Список использованной литературы с учетом сокращений, принятых в языкознании и научных изданиях, содержит 191 наименование (с. 249—257), список сокращений населенных пунктов (с. 258—259) состоит из 37 названий. В приложении (с. 260—296) даны образцы спряжения глаголов *sada* 'получать', *sanuda* 'сказать', *varastada* 'ждать', *valita* 'выбирать', *tehta* 'делать', *pesta* 'мыться' в северновепском диалекте (с. 260—266), средневепском диалекте — восточновепских говорах (с. 266—272), с. Пяозеро (с. 272—279), западновепских говорах (с. 279—285), с. Шугозеро (с. 285—292), южновепском диалекте (с. 292—296).

Как явствует из вышеизложенного, композиция работы подчинена поставленной цели — исследованию тенденций развития грамматики глагола в диалектах вепсского языка в сравнительно-историческом и сопоставительном аспектах (с. 2).

В работе большое внимание уделяется раскрытию специфики функционирования глагольной системы с акцентом на ее категории, истории развития их показателей и вариантов во всем многообразии диалектов и говоров вепсского языка, а также в его младописьменной языковой норме, которая также нуждается в лингвистической оценке и осмыслении процессов, протекающих в ней.

Отмечая методическую вооруженность исследования, следует указать, что компаративистский обзор важнейших грамматических форм глагола вепсских диалектов корректируется ретроспективными установлениями диахронического плана на широком прибалтийско-финском языковом фоне. Нередко расхождения, встречающиеся в глагольной системе словоизменения вепсских диалектов, объясняются с помощью методов типологии и ареальной лингвистики, сопоставляющих языки и диалекты независимо от степени их родства с целью выявления схождений и расхождений в способах выражения одних и тех же грамматических категорий глагола.

В предисловии даются обоснование темы и общая характеристика работы; раскрываются ее новизна, практическая

и теоретическая значимость; указываются основные методы и источники исследования.

Материал, на котором основан анализируемый труд, собирался Н. Г. Зайцевой в течение многих лет (начиная с 1970 года) в полевых условиях в виде записей на магнитную ленту с последующей полной или выборочной расшифровкой. Помимо рукописных диалектных материалов, хранящихся в секторе языкознания Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, автор широко пользовалась всеми известными науке образцами вепсской речи и диалектными словарями, изданными в России и за рубежом.

Для интерпретации эволюции словоизменения в глагольной системе, ее этапов и действующего механизма в диалектах вепсского языка по возможности привлекались имеющиеся данные из работ XIX века, единственных и наиболее древних памятников письменной вепсской речи конца XVIII — начала XIX века.

Во введении после кратких исторических и социолингвистических экскурсов, содержащих сведения о вепсах, их истории, реально существующих вариантах этнонима *вепсы* (с. 6—11), освещается историография грамматики глагола (с. 11—16), делается обзор о диалектном членении вепсского языка (с. 16—20), дается сжатая, но емкая характеристика морфологических категорий глагольной лексики (с. 21—26).

Однако большинство из гипотез и предположений о смысловой наполненности этнонима *вепсы* (с. 6—7) не выдерживает критики. Многие основываются лишь на народных этимологиях. К сожалению, исследователями не всегда разграничиваются по крайней мере два существенно различных принципа номинации — название, данное этносу его соседями, и самоназвание этноса.

Пока же тайны происхождения этнонима *вепсы* остаются скрытыми в глубине веков. Лишь упорный поиск ученых может прояснить смысловое содержание имени этого малочисленного народа, потомков летописной веси, прожи-

вающего в Вепсской национальной во-лости (образована в 1994 г.) Республики Карелия, Бабаевском и Вытегорском районах Вологодской области, Подпорожском, Лодейнопольском, Бокситогорском и Тихвинском районах Ленинградской области (с. 6).

В I главе «Типы лексических основ глагола в вепсском языке» (с. 26—46) рассматриваются типы лексических основ глаголов в вепсском языке.

В прибалтийско-финском языкознании, как отмечает Н. Г. Зайцева, все глаголы по наличию в них типов основ (лексической или словоизменительной) принято делить на две группы — одноосновные и двухосновные. Предполагается, что эта оппозиция берет свое начало в прибалтийско-финском языке-основе (с. 27).

Рассматривая дифференциальные признаки их противопоставления, автор работы подчеркивает, что *о д н о о с н о в н ы м и* считаются глаголы, обладающие лишь гласной основой, а глаголы с двумя основами — гласной и согласной — являются *д в у х о с н о в н ы м и*. Однако в вепсском языке, как отмечается далее, имеется значительное количество одноосновных глаголов, располагающих двумя вариантами гласных основ, т.е. они с точки зрения количественных параметров обладают двумя основами, каждая из которых участвует в образовании определенных форм. Сосуществование таких вариантов ставит проблему разграничения одноосновных глаголов. Более того, А. Кяхрик, исследователь вепсского языка из Эстонии, в своей работе, посвященной словоизменительной системе глагола южно-вепсского диалекта, такие глаголы квалифицировала как двухосновные. Естественно, что в этой специфической ситуации перед Н. Г. Зайцевой встала дилемма: следует ли считать их двухосновными и тем самым теоретически пересмотреть сложившуюся оппозицию одноосновных и двухосновных глаголов? Что считать главным признаком двухосновности глаголов? Количество или качество?

Отбор ключевых позиций для разграничения одноосновных и двухоснов-

ных глаголов автором мотивируется так: «Думается, что все-таки главным признаком следует признать качественную, а не количественную характеристику основ глагола. А поскольку достаточно большая группа глаголов в вепском языке обладает двумя вариантами именно гласных основ, но не имеет согласной основы, то мы будем продолжать считать их одноосновными, дав им особый статус — глаголов с двумя вариантами гласных основ. Две же гласные основы в данном исследовании мы будем интерпретировать как долгую и усеченную, или краткую, и не станем пересматривать сложившееся в прибалтийско-финских языках понятие одноосновных и двухосновных глаголов. Главным же критерием двухосновности глаголов мы будем считать все-таки наличие, кроме гласной, согласной основы» (с. 29).

Для истории языка эта точка зрения представляется более приемлемой. Действительно, нельзя ли считать рассматриваемую вепскоязычную особенность реликтом той эпохи, когда существовала финно-волжская языковая общность? Если да, то в какой степени?

В связи с этим следует обратить внимание на лингвистические данные волжских языков. Так, в мордовских (эрзянском и мокшанском) языках имеется два типа глагольных основ — дифференцированная (т.е. у части глаголов гласная, а у другой части согласная) и обобщенная (т.е. у всех глаголов гласная или у всех глаголов согласная). При этом формы глагола в зависимости от того, какую основу они выявляют, подразделяются на три группы.

В первой группе выступает дифференцированная основа, например, безобъектные формы 2 л. ед. ч. повелительного наклонения, например *мора-к* 'пой', *кельме-к/кельмо-к* 'мерзни' (основа гласная), *терд-ть/терт-ть* 'зови', *макс-т* 'дай' (основа согласная). К первой же группе относятся а) безобъектные формы 1 и 2 л. мн. ч. настоящего (будущего) времени изъявительного наклонения; б) безобъектные формы 3 л. ед. и мн. ч. I

прошедшего времени изъявительного наклонения; в) все объектные формы будущего (настоящего) времени; г) форма 2 л. ед. ч. ряда *сонь* повелительного наклонения мокшанского языка: *иде-к* 'спаси его', но *терть-к* 'позови его'.

Для второй группы характерна обобщенная гласная основа (при этом гласные основы проверочных форм остаются без изменения, тогда как согласные наращивают интерфикс *-o/-e-*), ср., например, безобъектные формы 2 л. мн. ч. повелительного наклонения: *мора-до/мора-да* 'пойте', *кельме-де/кельмо-да* 'мерзните' (основа гласная) и *терд-е-де/терд-е-да* 'зовите', *макс-о-до/макс-о-да* 'дайте' (основа также гласная). Ко второй же группе относятся а) инфинитивные формы литературных мордовских языков; б) объектные формы рядов *монь*, *минек/минь* повелительного наклонения; в) восполнительная форма (*иля иде/тят иде* 'не спасай', *иля терд-е/тят терд-е* 'не зови'); г) мокшанские формы прошедшего времени (за исключением безобъектных форм 3 л.): *иде-нь* 'я спасал', *терд-е-нь* 'я звал' (безобъектная форма 1 л. ед. ч.).

Для третьей группы характерна обобщенная согласная основа (при этом согласные основы проверочных форм остаются без изменения, а гласные основы теряют гласный исход):

а) безобъектные формы 1 л. ед. ч. настоящего (будущего) времени изъявительного наклонения: *макс-ан* 'даю', *терд-ян* 'зову', *мор-ан* 'пою', *кельм-ан* 'мерзну';

б) безобъектные формы 2 л. ед. ч. настоящего (будущего) времени изъявительного наклонения;

в) безобъектные формы 3 л. ед. и мн. числа настоящего (будущего) времени изъявительного наклонения;

г) эрзянские формы I прошедшего времени (за исключением безобъектных форм 3 л.): *ид-инь* 'я спасал', *терд-инь* 'я звал' (безобъектная форма 1 л. ед. ч.) (Грамматика мордовских языков. Фонетика. Графика. Орфография. Морфология, Саранск 1980, с. 277—278).

У глаголов марийского языка также различаются две основы: основа инфинитива и основа пове-

лительного склонения. От первой образуются формы изъявительного склонения, например: *кочк-аш* 'есть, кушать', *кочк-ам* 'я ем', *кочк-ым* 'я ел(а)', *кочк-ынам* 'я ел(а)'. От второй образуются формы повелительного и желательного склонений, причастия и деепричастия, например: *коч* 'ешь', *коч-нем* 'я хочу есть', *коч-шо* 'кушающий', *коч-мек* 'после еды'.

Основа повелительного склонения глаголов II спряжения отличается от основы инфинитива наличием вставочного гласного, например: *воз-ем* 'пишу', *возо* 'пиши', *мал-ем* 'сплю', *мале* 'спи', *тўрл-ем* 'вышиваю', *тўрлө* 'вышивай'. Разновидность этого гласного регулируется законом палатально-велярного сингармонизма, т.е. вставочный гласный уподобляется ударному гласному корня слова не только по лабиальности-иллабиальности, но и по принадлежности к тому или иному ряду (Н. Т. Пенг и тов, Сопоставительная грамматика русского и марийского языков, ч. 1. Введение, фонетика, морфология, Йошкар-Ола 1958, с. 104).

Однако вполне возможно, что сосредоточив внимание на особенностях функционирования глагольных основ в родственных языках, можно вычленить сходства, обусловленные процессом дивергенции языков из некоторой общей для них генетической традиции, и определить различия, возникшие за счет их независимого развития.

Главу завершают умело сформулированные выводы. Нельзя не согласиться с мнением автора о том, что в северновепском диалекте, как и в случае с одноосновными глаголами с двумя типами гласных основ, идет наращивание употребления краткой гласной основы вместо соответствующей согласной. Здесь при образовании и II причастия пассива, и форм имперфекта кондиционала часто употребляется именно краткая гласная основа: *te-nu* 'знавший', *ra-nu* 'работавший', *te-nuižin*, *ra-nuižin* (с. 46).

II глава «Основное спряжение глаголов в вепском языке» (с. 47—178) является самой большой и наиболее теоретизированной частью работы. Напи-

сана она на основе анализа научной литературы и обширного диалектного материала.

По мнению Н. Г. Зайцевой, в вепском языке, как и во многих других языках, категория лица тесно связана с категорией числа и грамматически воплощена в единых лично-числовых показателях, с помощью которых образуются формы времен и склонений. Всего вепский глагол в основном спряжении имеет 12 лично-числовых положительных и отрицательных форм (с. 47). В презенсе изъявительного склонения существует 6 положительных и 6 отрицательных лично-числовых форм в единственном и множественном числе (с. 48).

При образовании отрицательных форм лично-числовое окончание 1-го и 2-го лица переходит от основного глагола к отрицательному. При этом основной глагол представлен только одной гласной основой, а если глагол обладает двумя гласными основами, то в отрицательных формах всегда выступает только долгая гласная основа, например: 1 л. *en pure* '(я) не укушу', 2 л. *ed pure* '(ты) не укушишь', 3 л. *ei pure* '(он) не укусит' (с. 58).

По мнению автора, в вепском языке существует оппозиция настоящего времени, или презенса, форм прошедших времен: имперфекту, перфекту и плюсквамперфекту. Согласно точке зрения некоторых ученых, в вепском языке имеется еще отрицательный претерит, или время, совмещающее значения всех прошедших времен в их отрицательном варианте. Все отмеченные времена, представляющие действие как реально осуществляющееся или осуществлявшееся, входят в рамки индикатива, или изъявительного склонения (с. 84).

Функционально-семантические особенности временных форм освещаются Н. Г. Зайцевой с учетом лингвистических данных всех диалектов вепского языка.

Из трех ныне существующих склонений вепского языка только два имеют специальные показатели: императив *-ka-* (*-ga-*, *-g-*), кондиционал *-iži-*. Следовательно, индикатив как немаркированное

наклонение противостоит двум маркированным. И поэтому нельзя не согласиться с мнением автора о том, что наличие триады форм — *tule-m* 'мы придем'; *tul-ga-m* 'давайте (мы) придем'; *tul-iži-m* 'мы пришли бы' — позволяет достаточно наглядно на фоне компаратива и кондиционала выделять и индикатив с нулевым показателем.

Н. Г. Зайцева, выясняя историческую судьбу грамматических форм глагола, показывающих отношение действия к действительности, и процессов, имевших место в их системе, пришла к выводу, что в прошлом в вепском языке функционировал еще потенциал, или возможностное наклонение, одиночные примеры которого уцелели лишь в фольклорных текстах (с. 130). Суффикс потенциала *-ne-*, как полагает автор, ссылаясь на работу Л. Хакулинен, по своему происхождению является деривационным, приобретшим формообразующий характер. См. пример на употребление потенциала: *därven randal puhthal vedel pezen sil'mad d'on i vedutt, t u l n o b hengudele kebnuž, t u l n o b südäimele hüvuž* 'на берегу озера чистой водой помою глаза, тогда придет на сердце легкость, придет в сердце доброта' (с. 168—169). Из примера видно, что фонетическая вариативность гласного суффикса (ср. *-ne-*, *-no-*) регламентируется сингармонизмом гласных вепского языка.

Весьма актуальной недостаточно разработанной проблеме посвящен раздел второй главы «Исторический пассив» (с. 170—178), в котором приводятся глагольные формы без указаний на конкретное лицо, т.е. они не употреблены в значении 3 л. мн. ч.

На основе анализа большого фактического материала автор приходит к выводу, что пассивные формы могут быть синтетическими и аналитическими. На значение аналитических форм пассива заметное влияние оказал русский язык, вследствие чего вспомогательный глагол может приобретать форму множественного числа, напоминая русские конструкции, например: *pertid o m a s t r o i d u d* 'дома были построены', *azjad o m a t e h t u d* 'дела были сделаны' (с. 178).

В III главе «Возвратное спряжение глаголов в вепском языке» (с. 179—237) Н. Г. Зайцева не без оснований подчеркивает, что в вепском языке исторически сформировалось в о з в р а т н о е с п р я ж е н и е, обладающее по отношению к о с н о в н о м у с п р я ж е н и ю особыми лично-числовыми окончаниями как в положительных, так и в отрицательных формах. Нетрудно заметить, вместе с тем, что оба спряжения имеют и точки соприкосновения:

- 1) во многих формах они обладают одинаковой лексической основой, которая и у различных групп глаголов может быть только гласной, краткой или долгой, либо гласной и согласной;
- 2) у них одни и те же показатели имперфекта, кондиционала, императива и те же условия присоединения их к лексической основе глаголов;
- 3) глаголы обладают одинаковым количеством времен в наклонениях и имеют одну и ту же модель их построения;
- 4) в свою очередь, временные формы возвратных глаголов воплощают в себе и сходное противопоставление в значении (с. 183—184).

На богатом диалектном материале автор анализирует варианты лично-числовых окончаний, комментируя особенности их образования.

Категория времени в традиционном понимании выражает отношение действия или состояния к определенной временной плоскости. Система времен вепского языка имеет четыре времени — презенс, имперфект, перфект и плюсквамперфект. Функционально-семантические особенности их диалектных форм достаточно полно освещены автором (с. 208—224).

Обращаясь к другим финно-угорским языкам и сравнивая их между собой, следует отметить, что угорские языки довольствуются относительно малым количеством времен. Так, в хантыйском языке (среднеобский диалект) существует только два времени — настоящее-будущее и прошедшее. Мало времен и в венгерском языке.

В этой же главе на материале северно-, средне- и южновепского диалектов рассматривается система накло-

нений рефлексивного спряжения (с. 224—233). Особое внимание уделяется возвратному спряжению младописьменного языка (с. 233—237).

Теоретическая часть работы завершается заключением, содержащим выводы по трем главам.

Следует отметить, что Н. Г. Зайцевой поставлены и решены важные вопросы грамматики вепсского языка: впервые в прибалтийско-финском языкознании описан комплекс грамматических категорий вепсского глагола, характеризующихся специфическим содержанием, определено классифицирующее (категориальное) значение глагола, дана характеристика морфологическим свойствам вепсского глагола.

Исследование обширного материала привело автора к ряду тонких наблюдений, иллюстрирующих грамматику глагольного словоизменения вепсского языка. В этом отношении обращает на себя внимание проблема типов глагольных основ, особенно в образовании глагольных форм множественного числа.

Изучение грамматики вепсского глагола позволило автору констатировать, что она (грамматика — А.К.) представляет собой результат взаимодействия трех факторов: 1) самостоятельного развития языка; 2) наследия прибалтийско-финского языка-основы; 3) контактов с соседними народами и языками (с. 238).

Большой интерес вызывает также иллюстративный материал, содержащий ценные сведения и свежую информацию. Он, несомненно, будет использован

при исследовании вопросов грамматических схождений и расхождений финно-угорских языков.

Следует заметить, что в техническом отношении работа Н. Г. Зайцевой выполнена надлежащим образом. Для нее характерна строгая систематизация материала, выявление в нем основного, ведущего. Н. Г. Зайцевой удалось сформулировать обобщающие правила по глагольным категориям вепсского языка, составить стройные и последовательные таблицы и схемы (с. 167—168, 234—237, 260—296), карты грамматических изоглосс диалектов вепсского языка (с. 242, 244), которые окажут большую помощь в разработке сложных вопросов грамматики вепсского языка, в частности, при составлении школьных грамматик для вепсскоязычных школ.

Выводы автора аргументированы, научно обоснованы, могут быть использованы при исследовании грамматических систем других родственных языков и найдут применение в преподавании курсов морфологии, сравнительной грамматики, сопоставительной типологии, финно-угроведения в вузах республик Урало-Поволжского и Прибалтийского историко-географических регионов.

Теоретические положения и иллюстративный материал станут хорошим подспорьем при составлении «Сравнительной грамматики прибалтийско-финских языков», «Сопоставительной типологии русского и вепсского языков».

АНАТОЛИЙ КУКЛИН (Йошкар-Ола)